

Андрей Колосов — эпизод 6 из 12

Я должен сознаться, что в иное время я довольно равнодушно прошел бы мимо такого создания: мне теперь не до вечерних одиноких прогулок, не до иволг; но тогда...

Господа, я думаю, вы, как все порядочные люди, были влюблены хоть раз в течение своей жизни и на собственном опыте узнали, каким образом зарождается и развивается любовь в человеческом сердце; а потому я не стану слишком распространяться о том, что происходило во мне тогда. Мы с Колосовым довольно часто ходили к Ивану Семенычу; и хотя проклятые карты меня не раз приводили в совершенное отчаяние, но в одной близости любимой женщины (я полюбил Варю) есть какая-то странная, сладкая, мучительная отрада. Я не старался подавлять это возникающее чувство; притом, когда я, наконец, решился назвать это чувство по имени, оно уже было слишком сильно... Я молча лелеял и ревниво и робко таил свою любовь. Мне самому нравилось это томительное брожение молчаливой страсти. Страдания мои не лишали меня ни сна, ни пищи; но я по целым дням ощущал в груди то особенное физическое чувство, которое служит признаком присутствия любви. Я не в состоянии изобразить вам ту борьбу разнороднейших ощущений, которая происходила во мне, когда, например, Колосов возвращался с Варей из сада и всё лицо ее дышало восторженной преданностью, усталостью от избытка блаженства... Она до того жила его жизнью, до того была проникнута им, что незаметно перенимала его привычки, так же взглядывала, так же смеялась, как он... Я воображаю, какие мгновенья провела она с Андреем, каким блаженством обязана ему... А он... Колосов не утратил своей свободы; в ее отсутствии он, я думаю, и не вспоминал о ней; он был всё тем же беспечным, веселым и счастливым человеком, каким мы его всегда знавали.

Итак, мы, как я вам уже сказал, ходили с Колосовым к Ивану Семенычу довольно часто. Иногда (когда он не был в духе) отставной поручик не засаживал меня за карты; в таком случае он молча забивался в угол, хмурил брови и поглядывал на всех волком. В первый раз я обрадовался его снисхождению; но потом, бывало, сам начну упрашивать его сесть за вистик: роль третьего лица так невыносима! я так неприятно стеснял и Колосова и Варю, хотя они сами уверяли друг друга, что при мне нечего церемониться! Между тем время шло да шло... Они были счастливы... Я не охотник описывать счастье других. Но вот я стал замечать, что детская восторженность Вари постепенно заменялись более женским, более тревожным чувством. Я начал

догадываться, что новая погудка загудела на старый лад, то есть что Колосов... понемногу... холодеет. Это открытие меня, признаюсь, обрадовало; признаюсь, я не почувствовал ни малейшего негодованья против Андрея. Промежутки между нашими посещениями становились всё больше и больше... Варя начинала встречать нас с заплаканными глазками. Послышались упреки... Бывало, я спрошу Колосова с притворным равнодушием: Что ж? пойдем мы сегодня к Ивану Семенычу?.. Он холодно посмотрит на меня и спокойно проговорит: Нет, не пойдем. Мне иногда казалось, что он лукаво улыбается, говоря со мной о Варе. Вообще я не заменил ему Гаврилова... Гаврилов был в тысячу раз добрей и глупей меня.

Теперь дозвоьте мне небольшое отступление. Говоря вам о своих университетских товарищах, я не упомянул о некоем господине Щитове. Этому Щитову минул тридцать пятый год; он уже лет десять числился в студентах. Я и теперь живо вижу перед собой его довольно длинное бледное лицо, маленькие карие глазки, длинный, орлиный, к концу скривленный нос, тонкие, насмешливые губы, торжественный хохол, подбородок, самодовольно утопавший в широком полинялом галстуке цвета воронова крыла, манишку с бронзовыми пуговицами, синий фрак нараспашку, пестрый жилет: мне слышится его неприятно дребезжащий смех... Он таскался всюду, отличался на всех возможных танцклассах... Помнится, я не мог без особенного содроганья слушать его цинические рассказы... Колосов его как-то сравнил однажды с неподметенной комнатой русского трактира... страшное сравнение! И между тем в этом человеке было пропасть ума, здравого смысла, наблюдательности, остроты... Он иногда поражал нас каким-нибудь до того дельным, до того верным и резким словом, что мы все невольно притихали и с изумленьем глядели на него. Да ведь русскому человеку в сущности всё равно: глупость ли он сказал или умную вещь.